

УДК 340.141(470.4/6)«18»
ББК 67.711.13-38

СУД ХУТОРСКОГО СХОДА ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА КАК СВОЕОБРАЗНОЕ ПОНИМАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

С.Ю. Краснов

В данной статье автор показывает своеобразие правопонимания и правоприменения принципов законности и справедливости на примере организации, а также рассмотрения и разрешения споров в судах хуторского схода по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX века. Данные вопросы еще не были предметом научного исследования ни в историко-правовой, ни в исторической и этнологической науках.

Ключевые слова: обычное право, суд хуторского схода, правопонимание, правоприменение, принципы законности и справедливости, донские казаки, история права России.

На современном этапе совершенствования и развития судебной системы в России государством признана и на законодательном уровне закреплена необходимость развития медиации и других альтернативных способов разрешения споров. Чтобы этот процесс был результативным, прежде всего следует учитывать традиционные историко-этнографические аспекты правовой культуры донского казачества, своеобразие представлений донских казаков об организации и деятельности судов хуторских сходов как высших судебных инстанций у донских казаков во второй половине XIX в., особенности обычно-правового понимания и проявления ими в своей деятельности принципов законности и справедливости при разрешении различного рода споров.

Суд хуторского схода являлся высшей судебной властью для всех граждан, проживающих в хуторах.

Судебных сборов «официальных», конечно ныне (в 80-е гг. XIX века. – С. К.) уже не бывает. Но существуют ли подобные сборы неофициально, если не в станицах, то в хуторах, мне (Харузи-

ну М.Н. – С. К.) осталось неизвестным. Однако можно думать, что они или еще существуют кое-где или же по крайней мере, казаки по своим воззрениям, не находят их лишними. На воскресных и праздничных собраниях перед станичным правлением, собравшиеся часто оказывают добрую услугу посорившимся станичникам, направляющимся в суд (станичный суд. – С. К.) для разбирательства своего дела. Прежде чем эти последние дойдут до суда, им приходится пробираться сквозь собравшуюся толпу. Собравшиеся казаки узнав в чем дело. Стараются помирить поссорившихся и нередко достигают этого² [8, с. 304].

Суд хуторского схода состоял из хуторского атамана и из граждан, имеющих право голоса. Роль атамана на этом суде была весьма незначительной; он только наблюдал за порядком, посылал за свидетелями и тяжущимися. Иногда докладывал дела и объявлял решения схода. Во всем остальном он пользовался одинаковыми с другими казаками правами. Хуторские сходы обычно собирались в праздничные дни в определенном месте, по большей части около какого-нибудь дома, сами собой, без всякого приглашения. Но иногда атаман собирал сход и в будний день для разбора какого-либо особо важного дела и для разрешения других, не терпящих отлагательства насущных проблем, затрагивающих интересы всего общества [3, с. 130].

В одном из хуторов Х станицы не так давно случилось воровство со взломом замка у амбара, из которого украдено разных вещей рублей на двадцать. Хозяин, потерпевший от воровства, сделал тревогу, собрав все хуторское общество, с которым и отправился к поселковому атаману. По общему голосу собрания, подозрение пало на своего же хуторского казака, за которым немедленно и послали. Жена подозреваемого сначала скрыла мужа, объяснив, что его нет дома. Посланные начали поиски по соседним дворам, но нигде не нашли его. Возвратившись опять в дом, они застали его в доме и трое из посланных приступили к мнимому вору, чтобы его взять. Подозреваемый просил дать ему время поужинать, но было не до еды, когда пахнет тюрьмой. Пока посланные решались взять его приступом, мнимый вор сидел за столом, в переднем углу и в свою очередь вздумал защищаться. Дома и стены помогают, думал осажденный и, схватив со стола крышку, хотел пустить ею в осаждавших, но один из них успел удержать буяна. Когда мнимый вор отказался на отрез идти из дому, то поселковый атаман приказал его связать и доставить в общество. Общество под руководством атамана присудило подозреваемого арестовать и приступить к розыску украденных вещей. Сказано сделано. Вор был посажен в погребе атамана, в котором имели приют овцы и в котором в то время были 2 павших овцы; но арестованный казак, выведенный из терпения вонью падали, не остался покоен в подземельной тюрьме и немедленно приступил к работе. Он выломил часть стены, и выбрался на улицу, а как отверстие было весьма малое, то мнимый вор даже изорвал на себе рубашку и выскочил нагим. Атаман, карауливший вора, поднял тревогу, «держите вора, держите вора», и по улицам пошла суматоха. Бежавший вооружился костью бараньей головы и стал ею защищаться. Наконец, преследуемый, будучи окружен толпою, был схвачен казаком и снова заключен в то же подземелье. Пропавшие между тем вещи на другую ночь были подкинута хозяину [2].

Можно привести и другие примеры, подтверждающие осуществление хуторскими сходами во второй половине XIX в. судебных функций на основе норм обычного права.

Между многими интересными делами рассмотренными здешним окружным судом с участием присяжных, останавливает на себе особое внимание дело о казаках хутора Латышева Вешенской станицы Алексее Латышеве 51 года, Николае Крамскове 50 лет, Иване Попове 36 лет и Василии Калинине 43 лет, преданных суду по обвинению в том, что 11 июля 1882 года причинили посредством сечения розгами истязания Евлампии Бодовскому

и его жене Елене, которая была в то время беременная и спустя три недели разрешилась преждевременно от бремени мертвым ребенком. Подсудимые, не отрицая самого факта сечения розгами, объяснили, что они поступили так по приказанию всего хуторского схода, причем не знали о беременности Елены.

На суде выяснилось следующее: Евлампий Бодовсков находился в интимных отношениях со снохою одного из подсудимых – Алексея Латышева – Ульяною, которая постоянно при каждой встрече с Еленою «насмехалась» над нею. Елена отправила письмо Алексею Латышеву. Собрав хуторской сход, Латышев потребовал от Елены, чтобы она подтвердила свое заявление, или отреклась от него. Латышев стал настаивать перед сходом, чтобы высечь всех троих: его сноху Ульяну, Елену и Евлампия Бодовсковых. Прежде всего наказали Ульяну Латышеву, а затем стали класть Елену; она испугалась и только повторяла: «Если я виновата, то ищите с меня судом»; ей отвечали из толпы: «Это тебе и суд, какого же тебе еще суда нужно!»

На суде был прочитан приговор, составленный 26 октября 1880 года гражданами хутора Латышева, как мужского, так и женского пола от 15 до 50-летнего возраста следующего содержания: «Хотя закон и запрещает наказывать розгами, но ввиду усилившегося воровства граждане согласились между собою, если кто будет замечен в каком-либо дурном поступке или учинит какую-нибудь неприятность, то наказывать розгами и записывать в штрафной журнал до двух раз, а в третий доносить станичному сходу. Если кто из нас за неподобные шуточки и кражу будет наказан перед обществом то никто из нас не имеет право искать за обиду ни в каком присутственном месте». Присяжные оправдали подсудимых [7].

Право принимать участие в решении дел на хуторских сходах принадлежало каждому самостоятельному домохозяину; в случае его временного отсутствия вместо него на хуторской сход приходил сын или зять.

Право же присутствовать на хуторских сходах предоставлялось не только всем казакам, но и казачкам, которые в летнюю пору всегда окружали сходы, а в некоторых случаях принимали самое активное участие в приведении в исполнение назначенных хуторскими сходами наказаний виновным. Когда требовалось привести в исполнение какое-либо позорящее наказание, то казачки являлись лучшими исполнителями. Осмеять кого-нибудь, наплевать в глаза, провести вора по хутору с краденым – все это казачки и моло-

дые казаки, а также дети и подростки исполняли с большой охотой, но не иначе как явного или молчаливого согласия хуторского схода.

Хуторские сходы принимали к рассмотрению все споры и тяжбы без определения цены иска: дела об обидах, драках, мошенничествах, кражах и т. п. В некоторых случаях хуторские сходы отказывались разбирать особо важные уголовные дела, как, например, дела о крупных кражах, совершенных со взломом, заставляя при этом своего атамана донести начальству о совершенных преступлениях. Но этот отказ мотивировался не тем, что сход считал себя не компетентным разбирать подобные дела, а желанием подвергнуть обвиняемого(ых) более строгому наказанию. В этих случаях по большей части предполагалось, что обвиняемый будет приговорен к продолжительному тюремному заключению или к ссылке в Сибирь.

Хуторской сход приступал к рассмотрению того или иного дела по просьбе одной или обеих сторон, по заявлению третьих лиц и (или) по собственному усмотрению [3, с. 130–132].

На суде хуторского схода не было никакого порядка и какой-либо последовательности в разрешении дела. Все участники судебного разбирательства безо всякого приглашения могли удостоверить или опровергнуть сказанное стороной(ами), высказывать свои соображения по существу спора. Исключение из этого правила было лишь тогда, когда допрашивались малолетние и женщины. Этих свидетелей после допроса обычно удаляли из круга.

Несмотря на царивший на сходе беспорядок и шум, все обстоятельства рассматриваемого дела и приводимые сторонами доказательства проходили такую проверку на достоверность, которой не было ни в одном официальном суде.

На хуторском сходе обвинялся молодой казак в краже сена и выставил подкупленных двух свидетелей, которые удостоверяли, что в ночь кражи обвиняемый вместе с ними ездил верст за пятнадцать бродить в озеро. Где и пробыл всю ночь. Потерпевший прямых доказательств сходу не представил никаких. Когда обвиняемый был призван на сход, то объяснил, что кражу он не мог совершить, потому что в эту ночь был верст за пятнадцать от места кражи и бродил с А. и Б. всю ночь на озере

рыбу. А. и Б. тотчас подтвердили это. Но едва они только сказали, как один из присутствовавших возражает одному из свидетелей: «постой, ты где был? – «Бродить ездил с ним туда-то», отвечает свидетель. «Врешь, ты ехал тогда туда-то и был там-то. Где такой-то? Он был со мной». Является этот и удостоверяет то-же. В это время другой казак заявил, что другого свидетеля в эту ночь обогнал совершенно в противоположной стороне. Стали допрашивать обвиняемого, когда он привез находящееся у него на дворе сено. Он указал день. Но один из стариков уличил его во лжи, сказав, что в этот день он видел его в лесу ищущим своих быков. Таким образом, благодаря такому разбирательству, вор был уличен, пристыженные свидетели незаметно исчезли из схода, а обвиненный стал просить сход о помиловании, и сход определил, чтобы обвиняемый возвратил два воза потерпевшему и купил ведро водки. Словом, при таком порядке, когда всякий, знающий что-нибудь относящееся к делу, может свободно говорить, когда каждый каждого знает как самого себя, несмотря на шум и беспорядок, дело выясняется настолько, что не остается места никакому сомнению; стоит, конечно, немного привыкнуть к этому шуму, к которому простой народ, понятно привык и разгадывает истину во время этого шума и спора прекрасно [3, с. 134–135].

Когда же судьи-старики приходили к тому или иному заключению, шум начинал мало-помалу стихать, и следовало объявление решения схода, которое совершалось в форме предложения условий мира.

Атаман или кто-либо повлиятельнее из стариков, обращаясь к сторонам, говорили: «ты, ответчик, заплати ему (истцу) столько-то, да помирись с ним», или: «ты возврати ему то-то, да поставь нам четверть водки», или: «ты, ответчик, отдай ему то-то, а ты истец, заплати столько-то, а нам поставьте полведра водки» и т. п. Стороны, выслушав в такой форме решение схода, которое они уже могли предугадать из предшествующего спора, обыкновенно прямо или косвенно выражали свое согласие добровольно его исполнить. После этого тот кто объявлял резолюцию, или другой старик, обращаясь к тяжущимся, говорили: «ну помирись», и уже после этого следовал обряд примирения, заключающийся в том, что стороны кланялись друг другу в ноги. Затем покупалась водка и следовало угощение, что однако не мешало разбирать следующие дела [3, с. 136].

Во всех подобных случаях происходило столкновение старых и новых норм обычного права, в результате чего включался раскрытый нами ранее механизм устранения

возникающих коллизий, основу которого всегда составлял коллективный договор, требующий согласованного волеизъявления большинства членов донской казачьей общины (см.: [4, 5]).

Таким образом, вынесенное судом хуторского схода решение стороны волей-неволей, но обязаны были исполнить. Но бывали случаи, когда ответчик не соглашался добровольно исполнить решение схода. Тогда участники схода начинали сначала уговаривать и убеждать его в том, что решение справедливо и он должен его исполнить. Если ответчик и после этого все равно упирался («супорствовал»), то увещевания переходили в ругань. При этом рассерженные судьи говорили истцу: «бери ее» (то есть спорную вещь), и если она была на суде, истец сразу же ее забирал. При отсутствии спорной вещи на суде хуторской сход направлял несколько человек, которые передавали эту вещь истцу в месте ее нахождения. Когда речь шла об исполнении какого-либо долгового обязательства, то иногда судьи силою отнимали что-нибудь у ответчика и передавали отнятое (вещи и (или) деньги) истцу. Но к таким «самоуправным» с точки зрения официального законодательства действиям судьи прибегали не всегда из-за опасения применения к ним уголовной ответственности [3, с. 137].

Есть среди казаков уже такие «законники», которые ко всем решениям обычных судов относятся с полным пренебрежением. При возникновении тяжб с такими лицами, конечно, приходится обращаться к посредству официальных судов – станичного или мирового [6].

Но подобное противостояние между отдельными гражданами и станичным или хуторским обществом было очень редким явлением в области Войска Донского во второй половине XIX века.

Практически все решения, вынесенные судом хуторского схода, исполнялись «добровольно».

Вообще же должно заметить, что в общем случаев уклонений от исполнения решений суда бывает весьма мало потому что не исполнить решение схода, значит стать одному против всех, рискуя иногда подвергнуться чрезвычайно грубому насилию [3, с. 137].

Таким образом, рассмотрение и разрешение споров в судах хуторских сходов являются наглядным подтверждением сделанных нами ранее выводов о корпоративном характере обычного права донских казаков во второй половине XIX в. и о вторичном, производном характере индивидуальных прав и обязанностей членов донских казачьих общин.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что во второй половине XIX в. принципы законности и справедливости, закрепленные в официальном законодательстве Российской империи, не применялись в организации и деятельности судов хуторских сходов, которые руководствовались своими обычно-правовыми представлениями о законности и справедливости и на основании этих представлений рассматривали и успешно разрешали возникающие между гражданами споры. В своеобразном понимании и проявлении указанных принципов находила выражение вся внутренняя жизнь донских казачьих общин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX в.», проект № 11-12-34009а/В.

² Здесь и ниже сохранены орфография и пунктуация первоисточников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донская свадьба. Картины из народной жизни донских казаков. – М., 1871.
2. Казак. Виды станичного самосуда // Донские областные ведомости. – 1873. – № 18.
3. Казмин, А. Обычные суды в хуторах Донской области / А. Казмин // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 3, кн. X.
4. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование имущественных отношений / С. Ю. Краснов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 214 с.

5. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Функционирование органов территориального общественного самоуправления / С. Ю. Краснов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – 142 с.

6. Крюков, Ф. Казачьи станичные суды / Ф. Крюков. – Электрон. текстовые дан. – Режим

доступа: http://fedor-krjukov.narod.ru/Publicist_DO-1917/kazachii-sudi.htm. – Загл. с экрана.

7. Л. Б. Из Усть-Медведицы / Л. Б. // Донской голос. – 1883. – № 25.

8. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – М.: [б. и.], 1885. – Вып. 1. – 386 с.

**THE DON COSSACKS' KHUTOR GATHERING COURT
UNDER THE CUSTOMARY LAW THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY AS A PECULIAR UNDERSTANDING
AND MANIFESTATION OF THE PRINCIPLES OF LAW AND JUSTICE**

S. Yu. Krasnov

In this article the author shows the uniqueness of law enforcement and the rule of law and justice based of the organization, as well as the consideration and resolution of disputes in courts gatherings under the customary law of the Don Cossacks during the second half of the 19th century. These issues have not yet been the subject of scientific study of any historical and legal nor historical and ethnological sciences.

Key words: *customary law, court khutor gathering court, law comprehension, law enforcement, principles of law and justice, the Don Cossacks, the history of Russia's law.*